

Суворин искренне возмутился.

— Позвольте! — вскричал теперь он и с необыкновенной горячностью. Но Чехов остановил его коротким жестом.

— Нет-с! — сказал он категорически. — Не позволю-с!

И, глядя на озадаченного Суворина, продолжал:

— Вам угодно, вероятно, было сказать, что я написал уже много? Увы! Чрезвычайно много. Пуды-с! Рассказы, очерки, водевили, статьи, фельетоны, даже уголовный роман... Кажется, я писал все, кроме стихов и доносов. Но все это чепуха, ерунда, лоденщина! Всею написанному мною я не придаю никакого литературного значения. Мне надо учиться, учиться и учиться. Мне надо начинать с самых азов...

Впереди, в тумане, показался дом с большой вывеской: «Новое время». Тучный городской, прохаживавшийся перед домом, удивленно и подозрительно посмотрел на возникшего перед ним из тумана Чехова, который в пылу разговора энергично жестикулировал. Но вот следом за Чеховым появился из тумана Суворин. Городовой узнал его и взял под козырек.

— Почему же с азов? — примирительно сказал Суворин, останавливаясь посередине улицы около городского. — Даже если согласиться с тем, что вы говорили о своей работе в прошлом, то и ее нельзя считать только лоденщиной. Это и ваша школа вместе с тем, более того — академия!

Суворину понравилась его аналогия, и он заговорил с одушевлением:

— Вы окончили эту академию с отличием. Пушкинская премия, о которой вы упоминали сейчас, — это золотая медаль, которой вы удостоены за отличное окончание курса. Не так ли?

Суворин машинально взглянул на городского. Тот, не сводивший с него взгляда на протяжении всей его речи, вытянулся и сказал хрипло:

— Точно так, ваше превосходительство.

Чехов внимательно посмотрел на городского, не понимая, откуда взялся этот третий участник их разговора. Суворин осторожно взял Чехова под локоть и повел прочь от городского к дверям своего дома.

— Я хочу только закончить свою мысль. Видите ли... Обыкновенно художники, оканчивающие курс с золотой медалью, едут в Италию, чтобы завершить там свое образование... проникнуться ощущением высшей правды при созерцании образцов классического искусства. Поезжайте-ка и вы, голубчик. Seriously.

Суворин позвонил.

Чехов задумчиво пощипал бородку.

— Что ж, — сказал он, — вероятно, вы правы.

— Вот и отлично! — обрадовался Суворин. — Поезжайте-ка. Я вам денег дам.

Отворилась дверь.

— Ехать надо, — сказал Чехов, переступая порог. — Обязательно надо ехать. Но почему непременно в Италию? Почему в Италию? — повторил он, недоумевая.

И вот уже нет ни Петербурга, ни дома с вывеской «Новое время», ни Суворина — ничего этого нет, а есть Сахалин, горная таежная речка, широко разлившаяся от дождей, и кругом, насколько хватает глаз,

вода, мутная, взбаламученная. Стремительное, бурное течение. Ветер. Идет дождь со снегом.

В лодке, которую с трудом ведут против течения четверо гребцов, сидит Чехов. Он мокрый с головы до ног. Его пальто хоть выжми, а со шляпы течет вода. Он ежится, приподнимает воротник.

Мохнатый, как паук, гребец, с нависшими бровями, грязный, работая веслом, покосился на Чехова и спросил участливо:

— Что, барин? Не от хорошей жизни, видать, занесло вас в такую пропасть?

— Нет, отчего же, — отозвался Чехов и добавил учтиво: — Вы же живете здесь.

Гребец посмотрел на Чехова с недоумением:

— Сравняли тоже! Мы каторжные. По своей воле тут жить не будешь.

И с силой навалился на весло.

Чехов спросил деликатно:

— А вы сюда... как попали?

— Да было дело, — сказал гребец и усмехнулся: — Рубли лил!

Чехов живо заинтересовался:

— И что же, хорошие выходили рубли?

— Ничего, — сдержанно заметил гребец, и при воспоминании о прошлом его лицо просветлело. — Бывало, перемешаю, гляжу: какие мои, какие царские — не разберешь!

Гребцы сочувственно улыбнулись.

Чехов покивал головой: так, так... Обратился к другому гребцу:

— А вы здесь за что?

Другой гребец, с добродушной и глуповатой физиономией, только почтительно поглядел на Чехова, но ничего не ответил. Тогда фальшивомонетчик сказал неодобрительно:

— Он храм божий ограбил.

Гребцы и рулевой, нахмурившись, покосились на осквернителя храма.

— Что ж, — сказал тот в свое оправдание, — богу деньги не нужны.

Чехов опять покивал: так, так... Затем вытащил из кармана мокрую записную книжку и быстро записал что-то.

Это не понравилось каторжникам. Третий гребец посмотрел на Чехова неодобрительно и сказал со вздохом:

— И все-то они пишут, и пишут, и пишут, царица небесная!

И вдруг, сделав отчаянное лицо, во весь голос закричал рулевому:

— Право держи! Право, право... Не видишь, черт, язви твою душу!

Почти под самым носом лодки возник неведомо откуда взявшийся бревенчатый сруб с соломенной крышей, задранной ветром. Увлекаемый течением дом, покачиваясь, пронесся мимо лодки и исчез в дождевой мгле.

Каторжники набожно перекрестились. И было отчего: лодка чудом избежала столкновения.

Чехов поднял озабоченный взгляд.

— Это что же было?

— А дом был, — будничным тоном сказал четвертый гребец и пояснил: — Деревня близко.

Чехов прислушался. Сквозь пелену дождя отчетливо послышался крик петуха.

Чехов пошевелил мокрыми усами и улыбнулся растроганно. Затем

он встал и, засунув руки в карманы, с любопытством начал смотреть на показавшуюся впереди деревню. Издали она была до обмана похожа на обыкновенную русскую деревушку средней руки. Но чем ближе лодка приближалась к берегу, тем более рассеивалось это впечатление и становилось ясно, что впереди не просто деревня, а страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле люди, действительно, жить не могут.

По чьему-то темному и нелепому произволу деревня была стиснута на узком клочке земли между водою и камнем. Впереди, почти у самых избушек, бушевала река, а позади них стояли горы, отвесные, темные, изрезанные глубокими, мрачными ущельями. Сверху висело небо, низкое, черное. Выл ветер.

Река уже затопила половину деревни, но вода продолжала растекаться все дальше и дальше, захватывая огороды, гряды и подбираясь к стогам сена, низким и покосившимся. Но на улице былолюдно. Оставаясь совершенно безучастными к тому, что творила река, люди смотрели только на лодку, приближавшуюся к берегу.

Около самой воды стоял навтыжку плотный, мясистый унтер с револьвером на боку. Как только Чехов с помощью гребцов начал выбираться из лодки, унтер сделал страшное лицо и, оборотившись к деревне, закричал:

— Смир-рн! Шапки долой!

Столпившиеся на берегу люди торопливо сдернули шапки и, опустив руки по швам, вытянулись перед Чеховым.

Не ожидавший такой чести Чехов сконфуженно приподнял свою мокрую шляпу и учтиво раскланялся. Затем он обернулся к унтеру, намереваясь что-то сказать, но не успел выговорить ни слова, так как унтер начал кричать:

— Ваше превосходительство! Разрешите доложить... Во вверенной мне деревне Крутой Яр проживают отбывшие срок каторжных работ и переведенные в крестьянское состояние вольные поселенцы! Налицо мужчин — 60, женского полу — 34, в карцере сидит 5 человек, в бегах трое... Все обстоит благополучно!

Шатаясь от сильных порывов ветра, Чехов выслушал рапорт.

— Благополучно? — переспросил он, с трудом шевеля губами и удерживая рукой норовившую сорваться с головы шляпу.

— Так точно, ваше превосходительство! — прокричал унтер и замер с рукою у козырька в ожидании дальнейших вопросов.

Недоумевая, Чехов оглядел выстроившихся перед ним людей, которые смотрели на него почитательно и с выражением самого рабского усердия на лицах.

— Чем же они занимаются здесь, эти люди?

— По своей по крестьянской части, ваше превосходительство! Хлебопашеством!

— Гм, — удивился Чехов. — Разве здесь можно заниматься хлебопашеством?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

От напряжения на лице унтера выступили крупные капли пота. Вытаращенные глаза его выражали почтение, страх и желание угодить начальству.

— Хорошо, — сказал Чехов. — Опустите руку... И, пожалуйста, не называйте меня вашим превосходительством. Я вовсе не генерал, уверяю вас...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — прокричал унтер.

— И... и, если можно, не кричите так громко. У меня голова болит. Унтер испуганно поглядел на голову Чехова и прохрипел:

— Не угодно ли будет отдохнуть, ваше превосходительство?

— Да, да, действительно, — отозвался Чехов. — Не мешало бы...

— Пожалуйста, ваше превосходительство! Вот сюда...

Снова взявши под козырек, унтер обежал Чехова и кинулся указывать дорогу. Попутно он успел прокричать поселенцам, которые продолжали стоять без шапок, с вытянутыми по швам руками:

— Вольно! Р-разойдись!

Перепрыгивая с кочки на кочку и минуя огромные, выкорчеванные из болотистой земли пни, Чехов пошел мимо унылых изб, сложенных из плохого, сырого леса, без дворов, без зелени, без крылец. На некотором расстоянии от Чехова почитательно следовал унтер.

«Ку-ка-ре-ку!» — раздалось откуда-то. Чехов приостановился. На мшистой кочке разгуливал взъерошенный мокрый петух с веревкой на лапе. Другой конец веревки был привязан к колышку, вбитому в землю. Неодобрительно посмотрев на Чехова, искоса, петух нехотя хлопнул крыльями и опять крикнул.

— Это он почему на привязи? — спросил Чехов.

— Не могу знать, ваше превосходительство! — прокричал унтер. Затем, подумав, добавил обыкновенным своим простуженным голосом: — Должно быть, по причине расположения места. Иначе нельзя. Чехов пожал плечами и пошел дальше.

Показалась новая большая изба, заметно отличавшаяся от всех прочих тесовой крышей, двором, палисадником, занавесками на окнах. В одной половине избы — лавка. Над входом в лавку вывеска: «Продажа всех-возможных товаров». Из другой половины появились хозяева и с поклонами вышли навстречу гостю.

...Чехов сидит в избе, за столом, перед самоваром. Изба чистая, светлая, оклеенная обоями. На стене картина: «Мариенбад, морские купанья близ Либавы». Под картиною стоит хозяин избы и лавки — поселенец раскольничьего вида — и, сложив руки на животе, рассказывает Чехову:

— Мы много довольны, ваше превосходительство. Нечего бога гневить. Живем хорошо. И земля здесь может родить, и климат, слава тебе господи, мягкой, одна беда...

— Какая? — спрашивает Чехов.

— Народ избаловался! Не хочет работать...

— А что здесь можно работать?

— Все можно, — говорит поселенец. — Что начальство велит, то и можно. А земля, она все произведет.

— Все?

— Все!

— Ну, а, например, дыню? — интересуется Чехов.

— Случается, ваше превосходительство. Вызревают и дыни.

Чехов достает из кармана записную книжку, быстро пишет.

Из сеней доносится шум, чей-то плачущий голос, и вслед за тем в избе появляется женщина, мокрая, грязная, простоволосая. Не говоря ни слова, она падает в ноги Чехову.

— Что такое? — встревоженно поднимается Чехов. — Встаньте, пожалуйста...

— Явите божескую милость, ваше превосходительство... Не дайте погибнуть!

— Встаньте, прошу вас... Что вы хотите?

— Хотим в каторжное состояние. Дозвольте, сделайте милость!

Расстроенный Чехов, недоумевая, взглянул на хозяйина.

— Что такое? Кто она, эта женщина?

— В сожительницах тут у одного, ваше превосходительство. А он отбыл срок наказания и крестьянские права получил.

— Так в чем же дело? Почему вы хотите обратно на каторгу?

— Нет никакого способа, ваше превосходительство! Не проживешь никаким родом... Пока мой был в каторжном состоянии, ему от казны пай шел, а теперь мы всего решились. С голоду пропадем, ваше превосходительство, лопухи едим...

— А вы хлеб сейте.

— Сеяли, ваше превосходительство, из сил выбились... Урожаю ни разу не было, срамота одна! Лопухи живут да брюква.

— Ага! Брюква все-таки вызревает?

— Не поспевают вызревать, ваше превосходительство! Ее водой уносит, сами изволили видеть...

Чехов недоумевающе пощипал бородку.

— Как же вы живете в таком случае?

— Сами не знаем! — воскликнула женщина.

Чехов задумался.

— Вы бы на материк просились, — сказал он наконец нерешительно.

— Денно и ночью просимся, ваше превосходительство... Не пускают! Женщина зарыдала и снова рухнула на колени.

— Дозвольте нам обратно в каторжное состояние, ваше превосходительство. Не дайте погибнуть!

Чехов совсем растерялся. Он скорбно и вместе с тем как-то по-детски беспомощно склонился к женщине, пытаясь ее поднять с пола, и, досадуя на себя, на свою неумелость, на бессилие свое, проговорил глупым, вздрагивающим голосом:

— Зачем вы так?.. Встаньте же... Вы ошибаетесь, уверяю вас... Ну что я могу сделать, голубушка? Что? Что? Что?

Тайна Лапшевникова

«Пожалуйста... не обращайтесь внимания ни на Лапшевникова, ни на Галушкина, ни на Ватрушкина, — успокаивал Чехов мелиховскую учительницу М. Ф. Терентьеву в сентябре 1899 года. — Вас никогда не переведут без моего ведома, и, во всяком случае, если кто-либо из сильных мира сего пожелает перевести Вас, то я приму все зависящие от меня меры, чтобы Мелиховская школа не лишилась Вас».

Кто же были эти «сильные мира сего», сулившие всякие неприятности мелиховской учительнице?

В примечаниях к письму читаем: «Лапшевников — это лицо не выяснено. Галушкин, Ватрушкин — пародии на фамилию «Лапшевников».

Обследовав восемь томов чеховских писем, мы нигде больше не сумели обнаружить Лапшевникова. Мы встретились с ним еще раз лишь в одном из неопубликованных писем М. Ф. Терентьевой Чехову, хранящемся в отделе рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

«В прошлое воскресенье у меня были туманные картины, — писала учительница. — За мной присылал Лапшевников и предлагал волшебный фонарь; я, конечно, для блага детей не отка-

залась... Только фонарь был дан на один раз, ребяташки разлакомились и все спрашивали: «будут ли у нас еще когда-нибудь картины?» Я, конечно, должна была сказать, что нет, так как фонаря не дают; но что же делать?..»

Письмо М. Ф. Терентьевой не многое прояснило, но стало очевидно: Лапшевников жил где-то по соседству, совсем неподалеку от Мелихова, может быть, в самом Мелихове.

Мы не ошиблись. Только Лапшевников на поверку оказался не Лапшевниковым, а... Варениковым, Иваном Арнадьевичем Варениковым! Не пародией, не символом, а реальным лицом с именем, отчеством и фамилией, давшей Чехову повод для всяческих шуток.

Помещик и земский «деятель», этот Вареников (или «Варэныков», как именует его однажды Чехов) действительно был соседом писателя по Мелихову. О подвигах этого господина можно было бы поведать миру не одну историю.

«Учительница со слезами рассказывала мне, — пишет уехавшему в Ялту Чехову сестра Мария Павловна, — будто Вареников сообщил попу, что Мелиховскую школу закроют непременно, т. н. у земства нет средств содержать ее. Я успокоила Марию Федоровну как могла, но все-таки это подло со стороны нашего соседа». И добавляет: «Высек он там еще каких-то мальчиков за порубку в лесу, теперь его будут судить, дело передано прокурору». Чехов в ответ писал Марии Павловне: «Насчет Вареникова писал мне суд[ебный] следователь. Дело потушено».

Во всяком случае, Вареников ясен. Что же касается «Лапшевникова», то это, конечно, такое же прозвище, как и «Галушкин» и «Ватрушкин». Прозвище, подвешенное мелиховской учительницей и вполне естественное в устах автора «Лошадиной фамилии».

Н. ПОДОРОЛЬСКИЙ

